

Я родился, чтобы играть на рояле

Россия - 1995 - 13-19 септ - с. 7

Александр Гиндин - всегда самый молодой. Он был самым молодым участником последнего конкурса имени Чайковского, где в 16 лет получил четвертую премию, он стал самым молодым студентом Московской консерватории, поступив туда в 16 лет. На днях он вернулся с Королевского фестиваля в Стокгольме, где, несмотря на свои 18, имел грандиозный успех.

Впрочем, Гиндин просто обречен на успех у публики. Мне приходилось наблюдать за ее реакцией и в Большом зале консерватории, и в Большом театре, и Дворце Сент-Джеймса. Искушенные ценители готовы были визжать от восторга, когда за роялем сидел Саша. И в школе Иегуди Менухина под Лондоном, где молодых российских музыкантов встречали их сверстники, которые приезжают сюда учиться со всего света. Хотя поначалу знакомство было, мягко говоря, прохладным - приехали конкуренты из программы «Новые имена». Хозяева устроили маленький-ланч-концерт, на котором нашим просто пытались не дать выступить. Но Саша Гиндин не мог не выступить, оказавшись неподалеку от рояля. Исполнил Рахманинова. Менухинцы были сражены.

Вообще он похож на молодого Владимира Горовица. Даже внешне что-то есть. Ну а манера игры? Тому, кто считает классическую музыку скучной, нужно показывать Александра Гиндина. Думаю, что у него возникнет ощущение примерно такое же, если бы он начал понимать чужой язык. Потому что, когда играет Гиндин, он как будто разговаривает, общается посредством звуков. Таких пианистов у нас не появлялось очень давно. Его давно ждали. И он пришел.

- Саша, а как ты начал заниматься музыкой?

- Совершенно случайно. В семье не было никого, кто имел бы хоть какое-то отношение к музыке. Как-то, проходя мимо Плехановского института, мы увидели вывеску детской музыкальной школы. Там я исполнил песню из репертуара «Землян», и меня приняли.

- А у тебя было желание заниматься музыкой?

- Да я даже не знал, что такое занятие существует. Но когда я стал разбираться в нотах, тут же появился какой-то страшный интерес. Я разбирал много музыки, что попадалось под руку, буквально прописался в нотном магазине на Неглинке и постоянно там бывал, что-то покупал, брал, смотрел. Этим и жил. До восьмого класса проучился в детской музыкальной школе. Ну а дальше - классическая биография. Поступил в Центральную музыкальную школу на остальные три года. Последние два сдал экстерном, поступил в Московскую консерваторию.

- А почему решил раньше времени это сделать?

- Надоело ходить в ЦМШ. И еще - армия, годы надо экономить.

- Мне кажется, что ты абсолютно не конкурсный пианист. Слишком не вписываешься в привычные каноны пианиста - «сту-

дента, спортсмена, „отличника“. Как к конкурсам относишься?

- Я вообще не вижу никаких спортивных начал в музыке. Как кто-то может быть первым, вторым, третьим? Каждая музыкальная личность, если она не противоположна другой, то полностью от нее отличается. Поэтому сравнивать по каким-то одинаковым критериям, которых в музыке нет, просто невозможно. Конкурс - вещь достаточно неестественная, что ли. Кроме того, еще и жестокая. Такого стресса, который переживаешь на конкурсе, не может быть ни на каком другом выступлении. И для меня каждое выступление на конкурсе - минус год жизни. Я не сторонник конкурсов.

- А почему же тогда ты решился на конкурс имени Чайковского?

- Сейчас для молодых музыкантов времена жестокие. И получить официальное признание по-другому практически невозможно. Во всяком случае, трудно, нужна помощь. Вот мне помогают «Новые имена», и большое за это им спасибо. Но все равно получить статус пианиста, чтобы тебя называли не «студент», а просто «пианист», как сейчас было напечатано на афише моего выступления в Стокгольме: «Александр Гиндин, фортепиано» - это без участия в конкурсе практически невозможно.

- Конкурс имени Чайковского - традиционен в оценках музыкантов. Мне кажется, тебе первая премия там никогда бы не светила. Ты как-то подлаживался под конкурс, - ведь там же ждут определенного стиля игры?

- Мне просто повезло. Весь конкурс проходил с другими акцентами, чем все девять предыдущих раз. Хотя бы потому что раньше в консерватории было обязательное прослушивание к конкурсу, на котором происходил жесточайший отбор. К большому счастью, сейчас музыканты имеют право сами подать заявку и на нем играть. Кроме того, мне повезло с составом жюри, в котором было много иностранных музыкантов, они судили совершенно беспристрастно. Не в том смысле, их ученик или нет, а с музыкальных позиций.

- Играл так же раскованно, как всегда?

- После третьего тура мне сказали: «Ты сыграл его, как Черненко, но приходи в сознание». Я потом достал видеозапись своего выступления и выяснил, что ничего не помню из того, что со мной происходило на сцене. Все было как во сне. Что я там делал, что чувствовал, я толком сказать не могу. Какое-то другое измерение времени, эмоций, жизни.

- Скажи, а конкурс дал тебе что-то в плане карьеры?

- Пожалуй, звание. И еще ко мне изменилось отношение. Даже люди, которых я знал до этого, стали совершенно по-другому ко мне относиться и предлагать более серьезные вещи. Первый сольный компакт-диск вышел.

- Как ты собираешься дальше строить свою судьбу? Ведь последние двадцать, тридцать лет пробится на музыкальный рынок - колоссальная проблема даже для гения? Как ты будешь дальше жить?

- Собираюсь все-таки закончить Московскую консерваторию, потому что в мире это, пожалуй, самое лучшее музыкальное заведение, по крайней мере у пианистов. То, что называется «диплом Московской консерватории», - самая важная бумага для музыканта. Ну а там, может быть, годика два поучусь за границей. Даже не столько игре, сколько попытаюсь приоритетиться к тамошней музыкальной жизни. А там... Дело в том, что я не считаю, что музыкант должен жить за границей. Я не имею ничего против работы по контракту. Но дом должен быть в России. Тем более что в России есть множество городов с совершенно потрясающей публикой. Нигде в мире не приветствуют так, как в маленьких городах России.

- Ну а твоё решение участвовать в конкурсе имени Горовица - что это для тебя значит? Конечно, конкурс носит громкое имя, проходить он будет в Харькове в первый раз, и еще не известно, что может дать.

- Мне кажется, что успех конкурса имени Чайковского был связан с именем Вана Клиберна. Тот высокий уровень первой премии, который был на первом конкурсе, задал тон всем остальным. И наоборот, конкурс имени Скрябина - замечательное музыкальное событие. Но на нем не было каких-то по-настоящему громких имен и в каких-то аспектах он потерял престиж. А к Горовицу я отношусь настолько тепло, что для конкурса его имени я хочу сделать максимум того, что могу, играть, как я могу.

- Настолько Горовиц влияет на то, что ты делаешь?

- Я даже не знаю, как это со мной получилось. Но это, пожалуй, единственный из пианистов, которого я могу слушать сколько угодно, много часов подряд. Вот о нем говорят, что он что-то делал гениально, а что-то у него не так получалось. Но для меня все, что он делал, настолько близко, что, когда я слушаю его, мне кажется, что я слушаю свой идеал. Для меня в этом музыканте нет минусов. И самое главное - отношение... не то что к музыкантской трактовке, а его музыкальное лицо. Я считаю, главное, что должно быть в музыканте, -

не какой-то технический потенциал, даже не красивый звук, а яркая личность. Каждое исполнение должно запоминаться с первого раза на много лет. И в этом отношении, я считаю, Горовиц стоит первым.

- Саша, ты уже пять лет в программе «Новые имена», которые обнаружили тебя на конкурсе музыкальных школ. Ведь не так много времени прошло. А ты стал профессиональным музыкантом, много выступал. Ты много занимаешься?

- Последние три месяца - кастрофически много. По девять часов в день. Слова о том, что заниматься много - хорошо, это больше чем красивые фразы. Это очень хорошо, это очень помогает общению с инструментом. Настоящий красивый певучий звук достигается только часами вслушивания, тихой медленной игры, работы ушами, головой, сердцем. Меньше - руками.

- А программу ты составляешь сам или же твой профессор Михаил Воскресенский?

- Он старается принимать участие в составлении моей программы. Но физически это невозможно. Как и я этого делать почти не могу. Программу в основном составляют обстоятельства. Там надо сыграть сольный концерт, вот и думаешь, какую программу придумать. Сами события, которые друг за друга цепляются, и ведут за собой программы. Зато это, пожалуй, самый верный способ изучения музыки, потому что он никогда не предполагает конца. Пока есть где играть. Очень много пианистов - это большой недостаток - играют часто одно и то же. Мне это моя музыкантская совесть не позволяет. И я надеюсь как много больше лет своей жизни провести именно в игре разных программ, разных авторов, разной музыки.

- А какая твоя любимая музыка?

- Это вопрос трудный. Как-то

у Рихтера спросили об этом. «Ну, Лист, Шопен, Шуман, Скрябин», - отвечает он. «Ну, а как же Бах, Моцарт, Бетховен?» - Он ответил: «О богах не судят». Конечно, эти три имени никаким описаниям поддаваться не должны. Но самое близкое... Все-таки я русский музыкант и русская музыка мне наиболее близка. И в этом отношении на первом месте стоит Сергей Васильевич Рахманинов. Скрябин, конечно же. Как ни странно, для меня очень, просто по-человечески, близка музыка Баха. Она близка какой-то чистотой и высотой образов, высокочастотностью, что ли. Потому что в XX веке, к сожалению, много музыки сочинялось так, чтобы втоптать человека в грязь и показать ему, какое он ничтожество. Но все-таки музыка в идеале должна человека возвышать, приближать его к Богу.

- А у тебя нет желания в будущем встать за дирижерский пульт?

- Такой вопрос задали Владимиру Горовицу. «Что вы думаете по поводу того, что многие достаточно молодые музыканты в еще нежном возрасте встают за дирижерский пульт?» Он ответил, что они встают потому, что из дирижерской палочки не выскакивает фальшивых нот. Но, в общем, я считаю, что, может, и когда-нибудь и стану дирижером, но только когда переиграю весь фортепианный репертуар. Но это невозможно. Хотя, что в музыке существует, мне интересно. Я с удовольствием занимаюсь композицией, сочиняю, может быть, через год поступлю на дирижерский факультет. Для того, чтобы развивать свое мышление, еще ярче показывать фортепианную музыку. Потому что считаю, что я родился для того, чтобы играть на рояле.

Беседу вела
Вера КОЛОСОВА